

УДК 371.122+001

ББК 72.4(2)

Т 50

Печатается по решению
Ученого Совета ТКНС УрО РАН

ТОБОЛЬСК НАУЧНЫЙ – 2015 : Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 12 - 13 ноября 2015 г.). – Тобольск: Типография «Принт-Экспресс», 2015. – 341с.

В сборник вошли материалы научно-практической конференции «Тобольск научный – 2015», ежегодно проводимой Тобольской комплексной научной станцией УрО РАН. Материалы предоставлены в соответствии с тематическими секциями.

Сборник представляет интерес для научных работников, аспирантов, студентов вузов, занимающихся проблемами экологии, биологии, истории, культуры, этнографии, музееведения и библиотечного дела.

Редакционная коллегия:

Главный редактор

к.э.н., зам. директора по научной работе
И. А. Ломакин

Члены редколлегии

Г. С. Алимова, к. т. н.

М. С. Выхрыстюк, д. филол. н., проф.

Н. И. Загороднюк, к. и. н.

Е. И. Попова, к. б. н.

А. И. Татарникова, к. и. н.

ISBN 978-5-9904492-5-1

©Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук, 2015

несколько семей – в д. Хутор Нижне-Тавдинского района и Верхнюю Тавду Свердловской области. В 1974 г. последняя жительница деревни, Краснова Анна Наумовна, переселилась в с. Чугунаево, после чего д. Балтан окончательно перестала существовать. В настоящее время кряшены из д. Балтан живут в с. Чугунаево на улице Лесная, которую все местные жители между собой называют Балтанской. Несмотря на то, что деревни уже давно нет, кряшены продолжают хоронить своих умерших на балтанском кладбище. За кладбищем наблюдает выбранный обществом староста, потомок переселенцев, Иван Павлович Бейкин.

Большинство опрошенных потомков кряшен переселенцев отмечают, что их предки жили дружно с местным сибирскими татарами. Они не испытывали друг к другу взаимной неприязни и никогда не вступали в конфликты. Однако вплоть до 1970-х годов между ними отсутствовали брачные связи. Это объясняется конфессиональными различиями. Кряшены из Балтана женились на своих односельчанках, некоторые ездили в Поволжье на родину предков. Межнациональные браки стали совершаться только после переселения кряшен в Чугунаево. После переселения кряшен в центральную усадьбу в Чугунаево стали возникать межнациональные браки кряшен с русскими и с сибирскими татарами.

1. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII-начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 260 с.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 154. Оп. 8. Д. 27.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 580. Оп. 1. Д. 679.
4. Отчет главы администрации Чугунаевского сельского поселения за 2012 год.
5. Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. 152 с.
6. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIV. Тюменский округ. Свердловск. 114 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕРЕВНИ ЯРКОВА В ТОБОЛЬСКОМ РАЙОНЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

П. Г. Данилов, Н. П. Турова

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск

В 2000-х гг. в Западной Сибири наряду с русской городской археологией началось развитие и сельской археологии. Наибольшего развития этот процесс достиг в Омском Прииртышье, где на сегодняшний день изучено пять сельских памятников (в том числе два кладбища), материалы которых опубликованы [1, с. 13]. В последние годы в Тобольском Прииртышье ведется работа по выявлению, фиксации и проведению археологических исследований на памятниках периода русского освоения. На правом берегу р. Иртыш тобольскими археологами в результате разведочных работ выявлена деревня Выходцева, основанная в начале XVII в. [2]. Археологические исследования проведены также в Абалакском мужском и Иоанно-Введенском женском монастырях. В границах монастырей исследованы два христианских кладбища XVII – XIX вв. [3].

В 2015 г. археологическим отрядом Тобольской комплексной научной станции УрО РАН под руководством А. А. Адамова были проведены археологические исследования в Тобольском районе Тюменской области, в том числе на территории заброшенной в середине XX в. русской деревни Яркова (работы проводились на основании Открытого листа, выданного П. Г. Данилову). Деревня известна как минимум с 20-х гг. XVII в. Она упоминается в Дозорной книге 1623 г. [4, с. 31, 40]. Сведения о деревне встречаются в письменных, картографических источниках и в более позднее время.

В 2012 г. в ходе разведочных работ Н. П. Туровой поселение было выявлено и получило статус памятника археологии. Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого коренного берега озера Исток – в прошлом старицы реки Иртыш. Границы поселения известны по картографическим материалам XX в., в частности, деревня изображена на карте Генштаба СССР 1940-х гг. В задачи исследований 2015 г. входило изучение планиграфии и стратиграфии поселения в его прибрежной части. Рекогносцировочный раскоп площадью 50 кв. м был разбит на краю террасы в юго-западной части поселения.

В настоящее время наземные признаки населенного пункта отсутствуют. Площадка хорошо задернована. Культурный слой в раскопе представлен темно-серым мешаным суглинком мощностью 20-30 см. Его местами подстиляет слой погребенной темно-серой почвы мощностью до 6 см. Культурный слой на всей площади раскопа оказался в значительной степени разрушенным поздними перекопами – ямами середины XX в., заполненными металлическим ломом. Следов каких-либо капитальных построек не выявлено. Интерес представляют два детских захоронения, выявленные в раскопе.

Погребение 1 (детское). Колода зафиксирована на уровне материка. Могильная яма подпрямоугольной формы, заглублена в материк на 9 см. Глубина захоронения от уровня дневной поверхности составила около 47 см. Сохранность костяка хорошая. Погребение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, перпендикулярно террасе. Ребенок был положен в деревянную колоду вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки сложены на животе. В районе плечей, таза и ног выявлено перевитие веревочкой. В области ног сохранился узелок.

Погребение 2 (детское). Захоронение также совершено в колоде. Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами перерезала яму, заполненную пережженной золой и углем. Захоронение было также совершено на уровне материка (желтого суглинка), но уже на дне углистой ямы (из-за стремления поставить колоду на «чистый» материковый суглинок, данное погребение отличается от погребения 1 большей глубиной – около 70 см от уровня современной дневной поверхности). Сохранность костяка неудовлетворительная. Погребение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, правая рука находилась в области груди, левая на животе, ноги чуть согнуты в коленях, с поворотом вправо. Погребенный был завернут в несколько слоев хлопчатобумажной ткани черного и бурого (?) цвета (вероятно, фабричного производства), в нескольких местах перевит веревочкой (крученая, из растительного волокна), в районе ног зафиксирован узелок.

О времени совершения захоронения судить достаточно сложно, так как отсутствует датирующий материал, а стратиграфические и планиграфические сведения также малоинформативны в силу особенностей культурного слоя на изученном участке поселения. Несмотря на разную сохранность костного материала, погребения следует признать одновременными, о чем свидетельствует их близость, взаиморасположение и сходные элементы погребального обряда. О позднем периоде захоронений (не ранее XIX в.), по нашему мнению, могут свидетельствовать сохранившиеся в погребении 2 фрагменты не домотканного текстиля. По данным И. А. Кремлевой, у русских крестьян материал для похоронной одежды в XIX в. оставался домотканым и лишь в конце столетия стал постепенно вытесняться фабричной тканью [5, с. 521]. Относительно захоронений в колодах имеются сведения о том, что в XIX в. на Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены не только дощатые гробы, но и «долбленные из колоды»; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям [5, с. 522]. Таким образом, погребения деревни Яркова предварительно можно датировать концом XIX – началом XX в.

Ввиду отсутствия поблизости других захоронений, а также следов построек можно сделать заключение о том, что данные захоронения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище младенцев, расположенное на огороде, у обрыва.

Анализируя археологически фиксируемые элементы погребальной обрядности вышеописанных погребений (нахождение погребений в черте поселения, отсутствие нательных крестов, незначительная глубина могильной ямы) можно было бы говорить об отступлении от канонического христианского погребального обряда либо о погребении некрещеных младенцев. Однако, как показывают исследования русских погребальных памятников нового времени, такая показательная характеристика христианских погребений как ориентация могил с запада на восток, глубина захоронения соблюдались весьма условно, особенно в сельской местности [5, с. 518; 6, с. 196; 7, с. 160-161]. Отсутствие нательных крестов на православных некрополях также не редкость [8, с. 162-163]. На православных кладбищах XVII – XVIII вв. города Тобольска нательные кресты присутствуют лишь в погребениях XVIII в., что отражает хронологические изменения в обряде погребения [9, с. 64-65].

Относительно нахождения погребений на площади населенного пункта можно сказать следующее. Этнографические данные фиксируют весьма разнообразные варианты погребального обряда и организации кладбищ у русских. Некрещеных младенцев относили к категории «нечистых» покойников. Считалось, что младенцы, которых не успели окрестить, не успели стать христианами, поэтому их нельзя было размещать вместе с правоверными [10, с. 240]. Хотя исследователи и отмечают, что у русских дети практически не умирали некрещеными, так как их крестили тотчас после рождения (при отсутствии священника обряд могла выполнить бабка-повитуха) [11, с. 393], но все же такие случаи не были редкостью. Сведения о том, как хоронили младенцев в Полтавской губернии, имеются в рукописях XIX в.: «Дети мертворожденные и умершие неокрещенными ... их хоронят в самой жилой части хаты у порога вхожих дверей», «Мертворожденных детей (недонис, скинута детьна) закапывают в избе под порогом, веря, что когда священник будет через порог идти с крестом, то сообщит праху младенца силу святости; иные же закапывают в сенях под верхом, где люди меньше ходят» [12, с. 29].

Г. Х. Самигулов приводит интересную информацию о том, что в русских населенных пунктах на Мезени надмогильные кресты до начала XX в. можно было увидеть не только на кладбище, но и рядом с домом – напротив его переднего угла, около порога, на огороде. Это объясняется «сохранявшимся в этом крае до начала XX века обычаем хоронить родственников рядом с жилищем». Исследователь делает заключение о том, что данная «нерусская» (по мнению некоторых исследователей) погребальная традиция была характерна как раз для части населения Поморья, откуда и шло заселение Сибири в XVII–XVIII веках [7, с. 163].

Зафиксированный в погребениях деревни Ярковой обычай перевивания веревкой отмечен исследователями у русских старообрядцев Сибири, которые обернутое в саван тело обвязывали тремя крестами (на груди, животе и ногах) жгутом из льняных ниток [11, с. 387]; у печорских коми старообрядцев в XX в. ноги и руки умершего связывают, чтобы «не расходились» [12, с. 22]; у оренбургских казаков в начале XX в. умершим связывали руки и ноги нитками [13, с. 118].

Несмотря на кажущееся обилие материалов, русская похоронно-поминальная обрядность и связанные с ней представления изучены еще мало [5, с. 518]. Дальнейшие исследования поселенческих и погребальных русских памятников позднего средневековья и нового времени позволят раскрыть все многообразие материальной и духовной культуры, в том числе охарактеризовать локальные варианты погребально-поминальной обрядности русского населения Прииртышья.

1. Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVI – XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I / Отв. ред. Томилов Н.А. Омск, 2010. 284 с.
2. Адамов А. А., Баллонов И. В., Данилов П. Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Новосибирск, 2006. Т XII. Ч. I. С. 242-248.
3. Загваздин Е. П. Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. в 2-х т. / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск-Тюмень-Екатеринбург, 2014. Том 1. С. 158-163.
4. Дозорная книга 1623 г. // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – начале XVIII вв.: Сборник архивных источников. Тюмень: изд-во ТГУ, 2001. 184 с.
5. Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1997. С. 517-532.
6. Макаров Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 6. С. 192-232.
7. Самигулов Г. Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск: изд-во ОмГУ, 2005. С. 154-168.
8. Татаурова Л. В. Об одном из элементов погребального обряда русских по данным археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 235-236.
9. Адамов А. А., Баллонов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
10. Ковригина И. А. Погост как феномен культуры старообрядцев Забайкалья // Вестник ИрГТУ №3 (86), 2014. С. 238-242.
11. Бардина П. Е. Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: изд-во Том. ун-та, 1994. С. 383-393.
12. Бережнова М. Л. К вопросу о генезисе погребального обряда русских сибиряков // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2 / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 28-33.
12. Чувьуров А. А. Похоронно-поминальные обряды печорских коми старообрядцев // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2 / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 20-28.
13. Голикова С. В. Похоронные обряды русских Урала середины XIX – начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 118-122.

ОЛЕНЕВОДСТВО ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ: ВЕХИ ИСТОРИИ*

Ю. Н. Квашнин¹, Р. И. Сенько²

¹Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень

²Историко-мемориальный музей «Смольный», г. Санкт-Петербург

Лесные ненцы – один из самодийских народов, большая часть которого расселена в южной части Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Небольшие локальные группы проживают в северных районах Ханты-Мансийского автономного округа. По образу жизни лесные ненцы отличаются от тундровых и сближаются с таежными жителями – хантами и селькупам.

Хозяйство лесных ненцев можно отнести к южно-тундровому и лесотундровому типам. По классификации А. В. Головнёва этот тип называется таежно-ненецким. В XIX – начале XX вв. этот тип был распространен в бассейне р. Пур и северотаежных районах водораздела Пура и Оби. Его характерными особенностями были: рыболовство, производившееся в течение лета и первой половины осени посредством запоров, малых неводов, сетей и острог; охота на дикого северного оленя, проходившая осенью, зимой и ранней весной при помощи оленя-манщика, маскировочного щита и

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00097, «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов».